

РУССКИЙ ДИЗАЙН И ГРЕНЛАНДСКИЕ ТЮЛЕНИ

«Важна архитектура платья» — уверен промышленный художник, обладатель Гран-при в конкурсе молодых модельеров имени Надежды Ламановой Владимир Зубец

Независимая газета - 1999. - 17 дек. - с. 14
Наталья Савицкая

ВЛАДИМИР, во время своего недавнего визита в Москву Пако Рабани высоко оценил вашу коллекцию и во всеуслышание заявил, что приглашает вас на показ перед международным жюри в Париж. Вы собираетесь воспользоваться этим предложением?

— Увы, нет! Коллекцию «Зима-2000» я разработывал для компании Bos Bison. В свое время активные действия экологических зеленых организаций вынудили норвежские фирмы, специализирующиеся на продаже меха, искать другие рынки сбыта, и у нас появилась возможность закупать шкуры гренландского тюленя. Я попробовал использовать этот мех в сочетании с шелком, тафтой, шелковистой замшей и разрезанным трикотажем. Вот эту коллекцию и оценил Пако Рабани.

Но видите ли, в чем дело: для выступления в Париже нужно 25 моделей, а у нас их 15. Делать недостающие образцы у компании нет особого желания. Это лишние траты. Фирма небольшая, еле справляется с заказами, а за «гастролями» в Париже, боюсь, последуют новые предложения.

— Как же все-таки с тюленями, жалко ведь?

— Мы эту ситуацию отслеживали. Там ведь не все так просто. Этот мех норвежцы закупают у эскимосов. А те, в свою очередь, говорят, что данная порода тюленей очень быстро размножается и поедает всю рыбу в округе. Местному населению тоже ведь надо чем-то питаться. И потом,

одежда из гренландского тюленя очень дорогая и шьется маленькими партиями, так что несчастным животным мы наносим минимальный вред.

— Как вы относитесь к нашим многочисленным в последнее время «праздникам моды»?

— Как к концертам Филиппа Киркорова. Тут надо понять, какие цели преследуются. Невозможно на одном подиуме продемонстрировать мою коллекцию «Эйфория» (молодежная мода с «Панинтер») и, скажем, бутиковую одежду Чапурина. Объединять и объединяться можно по принципу схожести целей. Если у людей нет интереса заниматься промышленными коллекциями, пусть они показывают свои таланты на подобных шоу, где их с благодарностью примет пришедшая развлечь публика. Если мероприятие задумано как работа, должен быть показ промышленных коллекций, и в зале должна сидеть соответствующая публика: промышленники, директора магазинов, собственники, которые нуждаются в идее.

— Вы думаете, нашего промышленника можно этим заинтересовать?

— Мы успешно миновали этап, когда только ввозили низкосортные товары из Китая, Турции и т.д. Сейчас начался этап российской одежды — это когда ввозятся ткани, лекала, фурнитура. Пройдет и этот период, мы научимся зарабатывать на русском дизайне и вкладывать деньги в новое оборудование. Что уже, кстати, и происходит, например, в северных регионах России.

— Многие считают, что русский дизайн — это «каменный век», а Пако Рабани заявил, что все за-

падные модельеры на одно лицо, а вы (русский) резко отличаетесь. Что же такое русская мода, русский дизайн?

— Еще во время своего первого «выезда в мир Большой моды» я понял и осознал наше место. Что говорить, мы, конечно, отстаем. Но мы быстро учимся. Многие знаменитые французские модельеры воспринимались лично мною еще лет пять назад как некое откровение. Во всем была какая-то головокружащая новизна. А сейчас все изменилось, исчезла тайна, загадка. Меняется мода, подходы к ней, кто-то стоит на месте, и это чувствуется. Для меня очень важен внутренний настрой, который, несомненно, выражается в одежде. Важна архитектура платья, которая проявляется в соединении различных форм в особых пропорциях, когда какая-то часть одежды выглядит ровно на столько-то, и не меньше, и не больше. Важен материал, из которого выполнена одежда, тактильные ощущения от ткани. Рабани оценил меня прежде всего как архитектора.

— Ваши впечатления о нем? Что предсказывает этот мэтр?

— Он действительно обладает какими-то мистическими способностями, смотрит на меня — как рентгеном просвечивает и говорит о вещах, которые я чувствую внутри себя, но никогда не произношу вслух. А в будущее я не заглядываю и не прислушиваюсь ни к каким пророчествам, мы же живем в России. Как говорится, прожили день — и слава Богу!

— А где вы для себя покупаете одежду? Вы приятно и как-то уютно одеты. Чувствуется, что вы

цените комфорт. Где одеваются ваши родные?

— Если я вижу какой-нибудь свитер и знаю, что это моя вещь, я его беру. И мне абсолютно неважно, где я его покупаю: на блошином рынке в Москве или в бутике в Париже. Я думаю, для людей, обладающих чувством стиля, абсолютно неважно, где покупать одежду. Труднее людям, не обладающим вкусом. Их платья и костюмы, пусть даже очень дорогие, не «работают» и годами висят и пылятся в шкафах. У меня есть вещи, которые я ношу много лет. Смеем вас уверить, не один я такой. Даже Кензо ходит в одном пиджаке 15 лет. У него хватает мудрости носить вещь, которая ему нравится, и не зависеть от разных модных поветрий. Моя жена часто приобретает одежду в «Панинтере». Ей она нравится.

— На каком сырье работает «Панинтер»?

— Если вы знаете, на этой фирме изначально производили трикотажное полотно и шили спортивные костюмы. В 1992 году началось мое сотрудничество с Александром Паникиным. Сегодня мы разработали новую молодежную линию и, по возможности, используем наше полотно. Зачем приобретать ткань втридорога за рубежом, если есть что-то конкурентоспособное у нас.

— Ваши последние дизайнерские разработки связаны с молодежной модой. А какие направления еще могут быть перспективными?

— К нам часто обращаются мамы 18–20-летних, просят разработать для них модели спортивно-элегантного стиля. Еще у нас в планах — заняться одеждой для полных.

Две модели из коллекции Владимира Зубца, в которых он использует шкуру гренландского тюленя. Фото Дмитрия Абазы и из архива Владимира Зубца